

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ
К «ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ» АХМАТОВОЙ:
ГОРОДЕЦКИЕ

РОМАН ТИМЕНЧИК

Настоящая публикация примыкает к обнародованной в течение последнего семилетия серии из 15 подборок справочных заметок об именах, встречаемых на страницах рабочих блокнотов Ахматовой. В данном случае отобраны два лица, связанные с первым петербургским Цехом поэтов. Отмечу, что об иных членах этого объединения, существовавшего в 1911–1914 гг., справки уже публиковались: например, о Марии Моравской («Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сб. М.; СПб., 2006. С. 506–510), Владимире Юнгере (Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 7: к 120-летию со дня рождения поэта. Симферополь, 2009. С. 80–81), Николае Бруни (Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 8. Симферополь, 2010. С. 39–44) и др.

Ссылки (С. и номер страницы) даются по изданию: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996.

Городецкая (урожд. Козельская, псевд. Н. Бел-Конь-Любомирская) Анна Алексеевна («Нимфа»; 1889?–1945) — жена С. М. Городецкого с 1908 г.

«Цех (где собирались). У Городецких (на Фонтанке)» (С. 446). См. сделанный Городецким карандашный групповой портрет Клюева, Лозинского, Ахматовой и Зенкевича на собрании Цеха поэтов (В ста зеркалах: Анна Ахматова в портретах современников. М., 2005. С. 35). Ср. рассказ Ахматовой:

«Интересно следить за датами собраний Цеха: <...> видно, что собрания у Городецкого перестали бывать: “Нимфа” — как ее звали — жена Городецкого, Анна Алексеевна, искала развлечений, веселья, и конечно, такие собрания с казавшимися ей скучными и неинтересными и некрасивыми людьми, как Николай Степанович, Мандельштам, например, — были ей не по душе... Жена Городецкого была красивой, но... о духовных интересах можно не говорить с особенной настойчивостью!» (Лукницкий П. Н. Асиміана. Встречи с Анной Ахматовой. 1926–1927. Париж; М., 1997. Т. II. С. 26).

До известной степени, и возникновение, и исчезновение встреч участников Цеха в квартире Городецких на Фонтанке, 143, были связаны со сложностью взаимоотношений Нимфы с приглашенным в качестве «классика» в новое сообщество Александром Блоком (Литературное наследство. Т. 92. М., 1981. Кн. 2. С. 56), который записывал в дневнике 26 декабря 1911 г.: «Сегодня — Городецкий у меня весь день. Трудный, в общем, разговор. Он говорит: Анна Алексеевна ставит ему меня в пример деятельности, мудрости, никуданехождения и т.д. То, что он называет *магией*, возникающей между нами, он не хочет знать, ему это или неприятно (как в прошлом году в цирке), или безразлично. Ему в этом главное — то, что он не видит меня систематически, это “мешает”. <...> <Городецкий>, не желая принимать никакого участия в отношении своей жены ко мне (как я когда-то сам не желал принимать участия в отношении своей жены к Бугаеву), сваливает всю ответственность на меня (как я когда-то на Бугаева, боже мой!). Городские человеческие отношения — хорошие ли или плохие — люты, ложны, гадки, почти без исключений» (Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 108–109).

Незадолго до приглашения на первое собрание Цеха 20 октября 1911 г. Блок получил письмо от А. А. Городецкой: «Глубокоуважаемый Александр Александрович, Ваша записка пришла в отсутствие Сергея (он в Воронеже, сегодня вернется). Не узнав Вашего почерка, я ее вскрыла: — обрадовалась Вашему обещанию быть у него в четверг. То, что Вы не бываете у С<ергея>, я приписываю себе, и теперь с меня спадает

чувство, или вернее призрак вины перед кем-то. А. Городецкая» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 4), — а после собрания заметил о хозяйке дома: «Анна Алексеевна тоже “старается исправиться” — трогательное и чистое чувство заставляет этих милых женщин вступать в новую эру» (*Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 75*). На этом вечере Блок видел Ахматову (С. 744, 745). 4 ноября на именинах Ф. Ф. Фидлера Блок четыре раза записывает: «Анна Городецкая» (*Блок А. А. Там же. С. 80*), — а 7 ноября Блок отметил: «В первом часу мы пришли с Любой к Вячеславу <Иванову>. Там уже — собрание большое. Городецкие <...>, — Анна Алексеевна волнуется» (*Блок А. А. Там же. С. 83*). 10 декабря он получает «письмо мучительное А. А. Городецкой» (*Блок А. А. Там же. С. 101*):

«Бывают дни, когда я во блаженной и смиренной любви своей к Вам, мой единый Бог, брожу без конца по пустынной набережной, и мне кажется, что я в золотой сетке качаюсь в синеве небесной. И нет у меня тела, — я Божья. И так хорошо, как в вечной жизни. И когда возвращаюсь домой, то стены пропускают меня сквозь себя п<отому> ч<то> я не я.

А часто я воплю дико и пронзительно, как вопит ночью вдова на могиле мужа.

В провинции, в сумерки я была раз одна на кладбище и вдруг услышала сзади себя нечеловеческий вопль. Это вдова-крестьянка, как птица, билась на могиле мужа. И не плакала смиренно, как надо, а кричала бесноватым голосом в небо к Богу. И я знаю, что эти вопли разрывали сердце самого Бога. И я так часто плачу по Вас.

Господи, Господи, что же мне делать, я не знаю. Простите за это письмо и не осуждайте меня» (*Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 58; с уточнениями по автографу*). По-видимому, 16 декабря была получена записка: «Александр Александрович! Я знаю, что мое письмо было неприятно Вам. Я так жалею, что послала его тогда.

--

Завтра, т.е. в субботу вечером, если Вы можете — и Любовь Дмитриевна — пожалуйста, приезжайте к нам (“сборища” не будет). Пожалуйста, приезжайте. Так хорошо сейчас,

как в радуге. А. Городецкая» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 7). По-видимому, назавтра Блок ответил: «Анна Алексеевна, простите, что не мог Вам вовремя написать, не было вчера свободной минуты. Сегодня не могу прийти, очень расстроен» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 58).

В набросках планов воспоминаний о Блоке: «Я — confidentка Вал<ентины> Андр<еевны> Щеголевой (“Валентина, звезда, мечтанье”), Ольги и Нимфы (“Перед судом”))» (С. 222); «Были со мной откровенны еще две дамы: О. С<удейки>на и Нимфа Городецкая» (С. 671). Не записанный пункт известен по разговору, зафиксированному в 1940 г.: «У меня никогда не было и тени романа с Блоком <...>, — но я кое-что знаю случайно о его романах... Мне рассказывали две женщины в разное время историю свою с ним — в сущности, одну и ту же... Обе молодые и красивые... Одна была у него в гостях, поздно, в пустой квартире... другая — в “Бродячей собаке”... Обе из породы женщин-соблазнительниц... А он в последнюю минуту оттолкнул их: “Боже... уже рассвет... прощайте... прощайте...”

— Ну, эти истории дурно характеризуют скорее их, чем его, — сказала я.

— Да, конечно... Но, встречаясь постоянно с такими вот дамами, он научился неуважительно думать обо всех подряд» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. М., 1997. Т. 1. С. 185–186).

Публикуемая как единая запись фраза со страницы 222 может привести (и это уже случалось) к ошибочному отнесению стихотворения «Перед судом» («Что же ты потупилась в смущеньи?..») с его финалом:

Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

(или в варианте, опубликованном в 1916 г.:

Страстная, преступная, пустая,
Мне прости, как я простил тебя!) —

к А. А. Городецкой. На самом деле вписанное сюда название блоковского стихотворения конспективно обозначает ахматовские размышления о его атрибуции. Ср. слова Ахматовой

в записи Л. К. Чуковской от 12 октября 1962 г.: «Я не хочу оказаться в смешном положении Любови Дмитриевны Блок, которая настаивала, что стихотворение “Что же ты потупилась в смущеньи” посвящено ей. Как это глупо! Во-первых, я не знаю стихов, более оскорбительных для женщины; во-вторых, всем известно, что они посвящены Дельмас... Я с фактами в руках доказывала это Орлову, но он все-таки напечатал, будто относятся они к Любови Дмитриевне...» (*Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. С. 530*) — ср.: «В июне 1916 г. Блок заметил, что этим стихотворением должен заканчиваться цикл “Кармен” <...>, — однако в последнем издании третьей книги “Стихотворений” (1921) отказался от этой мысли, может быть потому, что стихотворение обращено, безусловно, к Л. Д. Блок» (*Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 552*).

А. А. Городецкая выступала в печати со стихами (Сто одна поэтесса серебряного века / Сост. и биографич. ст. М. Л. Гаспарова, О. Б. Кушлиной, Т. Л. Никольской. СПб., 2000. С. 29). Ср.: «Есть что-то любопытное в стихах Н. Бел-Конь-Любомирской, слишком однако истерических и “декадентских”» (*Смирнов А. А. Русские поэты в Грузинской «республике» // Новая Россия. Харьков, 1919. 31 августа*), — см. образчик последних, «Мария Магдалина»:

В моих глазах молчит пустыня голубая
И в волосах завял полыни горький лист.
Я сгорбилась, в ночных молитвах нагибая
Лицо горящее пред тем, кто так лучист,
Что мне не вынести магического взгляда
Его больших тигрино-трепетных очей.
Но трижды, трижды я вошла бы в двери ада
Лишь за одну из девственных его ночей.

(Акмэ. Первый сборник тифлисского Цеха поэтов. Тифлис, 1919. С. 12; в экземпляре с, возможно, авторской правкой переправлено «магического взгляда» из «младенческого»).

Ср. запись о ней от 2 февраля 1915 г.: «...давала мне пояснения к картинам мужа, висевшим на стенах (портреты, карикатуры, итальянские виды) и прочла нараспев несколько своих

стихотворений (она выступает в литературе под псевдонимом Бел-Конь Любомирская). Показала мне также сплетенную из соломы *плеть*, приобретенную в Венеции. “Сергей Митрофанович стегает меня”, — сказала она с улыбкой. У нее очаровательная дочурка. Ее сестренка (дочь Городецкого от другой женщины) живет в Лесном. Она (Нимфа) держалась просто, любезно и доверительно. Говорила о Сологубе. Однажды во время маскарада, куда она явилась в декольте, позади оказался за ужином Сологуб, который провел ей по спине большим и острым стальным пером; “из садизма”, — пояснила она. Они уже давно не общаются. Им (Городецким) в высшей степени неприятен у Сологубов напыщенный тон самообоожествления» (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подготовил К. Азадовский. М., 2008. С. 655–656).

Ей («Нимфе Г.») был посвящен «Эпилог» (1913) флиртовавшего с ней Бориса Садовского:

В ущелье стаял чад тоски.
Как эта высь отрадна нервам!
На медном зеркале доски
Я профиль твой прорежу первым.

(*Садовской Б.* Полдень. Собрание стихов. 1905–1914. Пг., 1915. С. 287). Ср. в ее последнем письме к Б. А. Садовскому 1929 г.: «Воспетая когда-то, или когда-то “Нимфа”, а теперь шлюпик старенький *Анна*» (*Андреева И.* «Чукоккала» и около // *De visu.* 1994. № 1/2. С. 60).

Впечатления о ней современников: «Нимфа все та же. Рассказывает, как в нее был влюблен Репин, как ее обожал Блок, как в этом году за ней ухаживал Ф. Сологуб <...> У Нимфы на пальцах перстни — манеры аристократические, — великосветский разговор» (1923 г.; *Чуковский К. И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 239); «крестом резала тесто и вела древнерусские разговоры. Сырая и добродушная женщина...» (*Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М., 1990. С. 34); «...был Сергей Городецкий, худой, длинный, похожий на облешшую старую борзую, он расхаживал в черном костюме с тросточкой, а его жена Нимфа, в просторечии Анна, любила сидеть на крылечке,

распустив волосы, и рассказывать о своих романах и о том, как был в нее влюблен даже Анатоль Франс и как лежала она однажды, обнаженная, на белой медвежьей шкуре, укрытая своими роскошными волосами до пят, а на пороге появился он, но кто был он и было ли это в Париже или в Петербурге — понять и запомнить я не сумела...» (о ташкентской эвакуации; *Белкина М.* Скрещение судеб. М., 1988. С. 211). Ср. запись Л. К. Чуковской от 17 февраля 1942 г.: «Нимфа в своем репертуаре: бесконечные рассказы о своих поклонниках, попытки вызвать <Ахматову> на то же (тщетные) и дурацкие шепоты в сторону: — Посмотрите на ее подбородок — какие очертания... А волосы были черные до синевы... — и пр.» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 396).

См., наконец: «У Саломеи <Андрониковой> была высокая и очень тонкая фигура. Такая же тоненькая была и Анна Ахматова. Они обе могли, скрестив руки на спине, охватить ими талию так, чтобы концы пальцев обеих рук сходились под грудью.

Высокая и тонкая была также Нимфа, жена Сергея Городецкого. Мне нравилось усаживать их всех вместе на диван и давать каждой по розе на длинном стебле. На синем фоне дивана и синей стены это было очень красиво...» (*Тэффи.* Из «Воспоминаний» // Ахматова А. Поэма без героя. М., 1989. С. 94). 13 ноября 1913 г. на приеме у Н. С. Кругликова в честь К. Бальмонта графический двойной портрет Городецкой и Ахматовой набросал С. Городецкий (см.: В ста зеркалах: Анна Ахматова в портретах современников. С. 36).

Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) — поэт, синдик Цеха поэтов (С. 447), один из двух лидеров акмеизма. Запись 8 мая 1962 г. в пору бесед с А. В. Белинковым: «Прочсть все, что я знаю об истоках акмеизма <...> Городецкий, уже отведавший соборности и мист<ического> анархизма» (С. 154). Запись к заметке «Судьба акмеизма»: «О Городецком» (С. 546). Запись 27 сентября 1962 г.:

«К “Судьбе акмеизма”

Я уже раньше указывала, что Городецкий, вкусив мис<тического> анархизма и соборности, в 1911–12 г. вступил в союз

с Гум<илевым>, но, немного поклевав *акмеизма*, убедился в его непитательности (и даже ядовитости), отряс прах и устремился дальше.

Картина этого “дальше” ярко обрисована в составленной или анонимно подсказанной им Антологии 1914 (очевидно, довоенной), где Г<умилев>, бывший недавний союзник, объявлен стилизатором, а сам С. Г<ородецкий> — *народником* (!?) вместе с Клюевым, <Затя не> а слово *акмеизм* вообще отсутствует. Вся затея совершенно провалилась. Никаких народников и природников нет и в помине, а вопрос об акмеизме обсуждается на всех языках. Рецепт же С<ергея> М<итрофановича> был довольно прост: немного мифотворчества (Вяч<еслава> Ив<анова>) и *stile russe*'а и снова чулковского мистического анархизма, но “Не тем в то время сердце полно было” у элиты, за бывшим “солнечным мальчиком Сережей Городецким” уже никто не пошел, а он сам через несколько месяцев писал — “Что думает державный Он” (сб. “1914 г.”). Дальнейшая судьба этого персонажа, вероятно, любопытна с многих точек зрения, но к истории русской поэзии никакого отношения не имеет» (С. 245; «не тем в то время сердце полно было» — цитата из «Бахчисарайского фонтана»).

О союзе Городецкого с Гумилевым Ахматова писала и в «Пестрых заметках»: «“Цех поэтов” был задуман осенью 1911 г<ода> в противовес “Академии Стиха”, где царствовал Вяч. Иванов. Н<иколай> С<тепанович> до этого мало знал Городецкого, который вообще был гораздо старше нас всех и уже отведал чулковского “мистического анархизма” и “соборности”, как-то очень скоро вышел из моды, перестал быть “солнечным мальчиком” Сережей Городецким и искал очередной спасательный круг (S.O.S.)» (Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 6).

Ср. запись слов Ахматовой в 1926 г.: «Городецкий сблизился с Николаем Степановичем осенью 1911 — перед Цехом незадолго. Весной 1911 с Городецким у Николая Степановича не было решительно ничего общего — и никаких отношений» (*Дукницкий П. Н.* Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. С. 26). Гумилев, как и многие модернисты, был раз-

очарован продукцией Городецкого после сборника «Ярь», а Городецкий не пропускал случая отнестись презрительно о всем круге «формотворцев», «аполлоновцев» и лично о Гумилеве. Возможно, первая беседа Городецкого с Гумилевым состоялась 13 мая 1911 в Обществе ревнителей художественного слова на докладе Городецкого о Никитине (*Лукницкий П. Н. Асцитіана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. С. 28*), и если это так, то следствием мог быть внезапный комплимент гумилевским «Абиссинским песням» в «Антологии» издательства «Мусагет»: «необыкновенная свежесть» (*Городецкий С. Пир поэтов // Речь. 1911. 27 июня*), — и там же, сожалея об отсутствии Ахматовой в антологии, он первым на страницах русской прессы назвал ее имя: «Страшно-молодо, неистово-честно и по-японски талантливо!» «С тех пор», как писал Городецкий в посвящении Гумилеву, они «в пламени и дыме встреча<ли> вместе каждый бой» (*Гиперборей. 1913. № 5. С. 13*), и Городецкий простил «Чужое небо» за уклонение от «всей сумятицы современной русской жизни»: «Лирика Н. Гумилева — это лирика мысли. Наиболее лирична мысль, несущаяся куда-то, стремящаяся вдаль во времени и в пространстве. Оттого экзотизм является одной из ярких струй в поэзии Н. Гумилева <...> Экзотизм у Гумилева не наносной, не надуманный. Он является результатом личных впечатлений» (*Речь. 1912. 15 октября*); «Этот сборник Н. Гумилева знаменует серьезный этап в развитии поэта. В нем чувствуется борьба с перегруженностью поэзии с одной стороны философским балластом, а с другой — словесным лиро-магическим. Намеренно простая муза Н. Гумилева тем не менее не хочет для себя каких-либо ограничений в выборе тем. Справляясь со всякой темой, она в иных случаях удовлетворяется победой слишком легкой. Чуждаясь всяких дебрей, она преимущественно скользит по периферии духа, а не устремляется к его тайникам» (*Гиперборей. 1912. № 1. С. 29*). Гумилев же постарался найти аргументы в защиту поэтики со-синдика: «Сергея Городецкого невозможно воспринимать только как поэта. Читая его стихи, невольно думаешь больше, чем о них, о сильной и страстной и, вместе с тем, по-славянскому нежной, чистой

и певучей душе человека, о том расцвете всех духовных и физических сил, который за последнее время начинают обозначать словом “акмеизм”. <...> По форме его стихи во многом напоминают нам уже пройденный поэтом этап символизма <...> Но, бесспорно, Сергей Городецкий уже на пути к освобождению от последнего, что связывает его с символизмом» (Гиперборей. 1912. № 2. С. 25). В эти дни Городецкий резко сменил свою литературную программу: «Мы хотим значительного в искусстве, не импрессионизма, а импрессии, не символизма, а символа, т.е. не опытов, а достижений. Все же значительное требует меры внутри себя, архитектоники. Это не формализм, а неизбежная форма» (*Городецкий С. Непоседы // Речь. 1912. 1 октября*). Ср. в его рецензии на сборник А. И. Тиякова “*Navis nigra*”: «...теперь, когда вся поэзия так дружно устремилась к стройности в форме и к величью в содержании» (*Речь. 1912. 5 ноября*). 10 апреля 1914 г. он писал К. И. Чуковскому, вспоминая о вызревании идей акмеизма: «Он и родился как результат усилий выбиться из неумелости, запутанности и хромоногости» (*Андреева И. «Чукоккала» и около. С. 60*).

В мае 1912 г. Гумилев писал Брюсову, что должен был бы дать разъяснения о «союзе с Городецким, о Цехе Поэтов» (Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. М., 1994. С. 508). О непрочности союза догадывались современники, прежде всего давно знавший одну из договаривающихся сторон Блок: «Городецкого держат, как застрельщика с именем; думаю, что Гумилев конфузится и шокируется им нередко» (*Блок А. А. Собр. соч. Т. 7. С. 232*). Ср.: «Теперь, когда вполне отчетливо определилось лицо школы, вышедшей из Цеха, кажется странной эта связь группы Гумилева с Сергеем Городецким. Впрочем, Городецкий попал в Цех только в силу личных отношений с Гумилевым, да разве еще по отрицательному признаку: он не был символистом. Расхождение его с будущими акмеистами наметилось с самого начала. Однако участие его в общей работе прошло не без пользы: его утверждения всегда возбуждали самый страстный протест, и в полемике с ним осознались положения нового поэтического учения. Кто мог предполагать, что творчество Городецкого так круто пойдет вниз, дей-

дет до такой антипоэтической невнятицы, как оно дошло сейчас?» (*Мочульский К.* Новый Цех поэтов // Последние новости. 1922. 2 декабря). Ср. также: «Городецкий вырос в окружении Вячеслава Иванова. Ему естественно было бы очутиться в стане символистов. Но личные свойства — желание во что бы то ни стало сыграть видную роль, склонность к рекламе и шумихе — толкали его к тому, чтобы непременно очутиться в числе “зачинателей” какого-нибудь нового направления. У него на глазах Георгий Чулков выдумал мистический анархизм, и он понял, что не боги горшки обжигают. Побывав мистическим анархистом, он, наконец, решил учредить свой собственный “акмеизм”, в который по приятельству завербовал Гумилева, объявив его вторым “мастером” новой школы. Все это было до последней степени несерьезно — теперь даже как-то немного совестно вспоминать, в какие бирюльки играли люди» (*Ходасевич В.* О Гумилеве // Возрождение. 1936. 19 сентября).

В период «союза» синдики поровну делили огорчения от разнообразных атак на свои декларации. В брюсовской статье 1913 года «Гумилев и Городецкий даже названы господами, т.е. людьми, не имеющими никакого отношения к литературе» (С. 83). См., например: «Еще слабее критика г. Городецкого в его статье “Некоторые течения в современной русской поэзии”. Автор, говоря о “катастрофе”, будто бы пережитой символизмом, более последователен: он прямо отрицает значение символа для искусства. Однако те доводы, которыми г. Городецкий стремится ниспровергнуть идею символа в искусстве, вполне несостоятельны. “Метод приближения, — пишет он, — имеет большое значение в математике, но к искусству он неприменим. Бесконечное приближение квадрата через восьмиугольник, шестнадцатиугольник и т.д. к кругу мыслимо математически, но никак не *artis mente*. Искусство знает только квадраты, только круг...” Наивное это рассуждение показывает только то, что г. Городецкий не понимает элементарной геометрии. Удвоение числа сторон многоугольника, вписанного в круг, есть лишь метод нахождения числового выражения иррационального числа, а никак не способ “познать” свойства круга. Математика знает лишь отношения

различных элементов круга между собой (например, окружности и диаметра). Искусство, если ему уже должно “познавать круг”, может знать лишь отношения различных кругов к художнику и никогда не порывалось к странной задаче познать сущность “круга” или “квадрата”. И метод пределов здесь во все ни при чем» (*Брюсов В. Среди стихов: 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 396–397*).

О последующей судьбе «союза» Ахматова писала в другом месте: «В 1914 произошел внутренний раскол цеха. Гумилев и Городецкий поссорились. Уцелели письма, которыми они обменялись, т<о> е<сть> я имею в виду письма Городецкого к Гумилеву <...> В 1915 году произошла попытка примирения, и мы были у Городецких на какой-то новой квартире (около мечети) и даже ночевали у них, но, очевидно, трещинка была слишком глубокой, и возвращение к прежнему было невозможно» (*Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 7*).

«Анонимная антология» 1914 г. содержала предисловие: «Новая поэзия так разветвилась и усложнилась, что для расположения новых поэтов в каком бы то ни было порядке необходимо требуется определенная их группировка, известная классификация. Мы не можем здесь не дать хотя бы самые краткие и общие указания о руководящих началах такой усвоенной нами группировки.

Укажем прежде всего, что принятое нами расположение поэтов исходит в общем не из содержания, а из формы. Но именно поэтому оно тесно связано и с содержанием: ибо содержанием обуславливается и форма. Так, напр., С. Городецкий, Ал. Н. Толстой, С. Клычков и др., подходя к природе и к народу через миф, именно как “народники” и “природники”, вырабатывают особые поэтические формы.

Но, пожалуй, еще точнее будет сказать, что наша группировка складывалась не столько осознанно по содержанию и по форме, сколько по неосознанной, а внутренне чувствуемой комбинации их: не столько по целям и средствам авторов, сколько по получившимся результатам. Напр., столь различные по форме Эллис и Добролюбов, объединены для нас крайним сосредоточением религиозной страсти; наоборот, Клюев,

по форме гораздо более “символист-идеалист”, чем Добролюбов, нами воспринимается как неореалист, “природо-народник”, вследствие силы в нем конкретной земной жизни. И т.д.

Эта основная внутренняя, так сказать, интонация поэта определяется тем, как он воспринимает и принимает мир. Это восприятие и “приятие” может иметь разную степень отвлеченности и объективности.

На верхних ступенях отвлечения находятся “символисты-идеалисты”, на нижних — “конкрето-символисты”. “Импрессионисты” дают впечатления более непосредственные, субъективные. “Стилизаторы” рисуют более осознанное, объективированное. “Неореалисты” представляют как бы синтезирующий центр и широко и усложненно раскидываются в обеих этих плоскостях.

Хотя в крайностях своих разные типы новых поэтов расходятся очень далеко, но и в форме, и в духе у них всегда много общего, и эти типы так сложно переплетаются и переходят один в другой, что намечаемые ниже группировки по необходимости часто произвольны. Однако во времени, кажется, замечается определенная смена течений: сначала стилизаторы и символисты-идеалисты, потом конкретно-символисты и неореалисты.

Эту последовательность и выражает нижеследующая схема.

1. К. Фофанов, В. Соловьев, П. Соловьева (*Allegro*; оговоримся, что *Allegro* является здесь наиболее спорной и с равным правом может быть отнесена ко II периоду), М. Лохвицкая, И. Бунин — провозвестники новой поэзии.

2. К. Бальмонт, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, В. Брюсов — родоначальники новой поэзии.

3. А. Блок, А. Белый, В. Иванов, И. Коневской, Ю. Балтрушайтис, В. Стражев, А. Добролюбов, Эллис, В. Поляков — “символисты-идеалисты”.

4. М. Кузмин, М. Волошин, Н. Гумилев, А-Marie [М. Цетлин], А. Биск, А. Тиняков — “стилизаторы”.

5. И. Анненский, В. Гофман, Ю. Сидоров, И. Новиков, В. Пяст, М. Цветаева, И. Эренбург, А. Ахматова, Нелли, И. Северянин — “импрессионисты”, “конкрето-символисты”.

6. С. Черный, П. Потемкин — «неореалисты-шаржисты».

7. С. Городецкий, М. Зенкевич, О. Мандельштам, Л. Столица, П. Радимов, А. Н. Толстой, Н. Клюев, С. Клычков, М. Шагинян — неореалисты-«природники» и «народники» (Избр. стихи русских поэтов. Серия сборников по периодам. Период третий. Вып. II. С. III–VI). Сведений об участии Городецкого в подготовке этого издания нам не попадалось.

Эпизод «Что думает державный Он», о котором Ахматова говорила: «Мелочи такие запоминаются на всю жизнь: например, Городецкий: Что думает державный он... Это не прощается» (*Лукницкий П. Н. Асупіана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. С. 70*), — стихотворение Городецкого «Сретенье царя» (Нива. 1914. № 35; затем в его книге «Четырнадцатый год», Пг., 1915):

Народ с утра спешил на площадь
К Дворцу на сретенье Царя.
Теснилась флагов русских роща,
Цветами яркими горя.
Национальных песнопений
Опять катился мощный вал,
И Александра вещий гений
Венок победы поднимал.

Да, не бывало у столицы
Такого утра с давних лет!
В подъезд влетали вереницы
Автомобилей и карет.
Примчались сербы, нам родные,
Был пышен быстрый съезд Двора,
И проходили запасные
Под крики дружного «ура».

До полдня близко было солнцу,
Когда раздался пушек гул.
Глазами к каждому оконцу
Народ с мечтою жадной льнул.
Из церкви доносилось пенье...
Перед началом битвы, как встарь,
Свершив великое моленье,
К народу тихо вышел Царь.

Что думал Он в тот миг великий,
 Что чувствовал Державный, Он,
 Когда восторженные клики
 Неслись к Нему со всех сторон?
 Какая сказочная сила
 Была в благих Его руках,
 Которым меч судьба вручила
 На славу нам, врагам на страх!

 Как море в мощный час прилива,
 Народный хор не умолкал.
 И Царь, внимая терпеливо,
 Главу ответно наклонял.
 К Нему невидимые нити
 Из всех сердец неслись, горя...
 Так в незабвенный час событий
 Свершилось сретенье Царя.

Ср. запись от 27 июля 1914 г.: «Видел Сергея Городецкого. Он форсированно и демонстративно патриотичен: “К черту этого изменника Милюкова!” Пишет патриотические стихи, и когда мы проходили мимо германского посольства — выразил радость, что оно так разгромлено. “В деревне мобилизация — эпос!” — восхищается. Но за всем этим какое-то уныние: денег нет ничего, а Нимфа, должно быть, не придумала, какую позу принять» (*Чуковский К. И.* Дневник. 1901–1929. С. 68). Ср. позднейший отклик Г. Адамовича на процитированное в журнале «Красная новь» злопамятным советским критиком «Сретенье царя»: «Дорого бы дал Городецкий, чтоб это “Сретение” навсегда исчезло с лица земли, и самая память о нем уничтожилась. Но на беду — “слово, что воробей”» (*Сизиф [Адамович Г.]* Отклики // Последние новости. 1929. 20 июня).

Доцеховое и доакмеистское прошлое Городецкого как «автора одной книги», сборника «Ярь» 1907 г., — ср.: «Главное: Несостоявшийся поэт (Городецкий)» (С. 336); «...желание <...> сделать из меня нечто среднее между Сергеем Городецким (“Ярь”), т.е. поэтом без творческого пути, и Франсуазой Саган» (*Виленкин В. Я.* В сто первом зеркале. М., 1990. С. 92) — было включено в «открытую мною доязыческую <sic!> Русь (в музыке, живописи — Рерих и поэзии —

Хлебников, “Ярь” и т.д.)» (С. 175): «*Языческая Русь* начала 20-ого века<.> Н. Рерих. Лядов. Стравинский. С. Городецкий (“Ярь”...)» (С. 70); «*Языческая Русь* (Городецкий, Стравинский “Весна священная”, Толстой, ранний Хлебников)» (С. 87). Эти списки «оживают» и даже пускаются в пляс в либретто балета по «Поэме без героя»: «видно, как Городецкий, Есенин, Клюев, Клычков пляшут “русскую”» (С. 174). Сотрудничеством И. Стравинского с Городецким объясняется удививший Ахматову факт в разговорах И. Стравинского с Робертом Крафтом: «Из нас, “оставшихся”, он с сочувствием вспоминает одного Сергея Городецкого (почему<-то> называет “высоким блондином”), за услуги Бяке <В. А. Судейкиной> в начале Революции» (С. 367) — имеется в виду следующее место: «Я хорошо знал Городецкого в 1906-7 гг., когда сочинял музыку к его песням. Мы не “сотрудничали” в них, однако, услышав их на концерте в Петербурге, он поведал мне, что “музыка весьма приятна, но в действительности она неточно интерпретирует мой текст, поскольку я описываю одновременный перезвон больших, медленных колоколов, а ваша музыка — это что-то вроде бубенчиков”. Он был высоким, белокурым, крючконосым, и впоследствии был добрым другом моей жены Веры в Тифлисе во время революции». Ср.: «Он принадлежал к плеяде тех авторов, которым суждено было своим талантом и свежестью дарования обновить нашу несколько застоявшуюся поэзию» (*Стравинский И.* Хроника моей жизни. Пер. с франц. Л. В. Яковлевой-Шапориной. Л., 1963. С. 62). Ср. воспроизведенное с ошибкой у Л. К. Чуковской: «...заговорила о Стра<вин>ском: “Подумайте, Россию он забыл начисто, запомнился ему только один Городецкий”» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. 1963–1966. С. 41).

Начиная с первого отзыва в июне 1911 г. Городецкий в печати сопровождал выход всех дореволюционных сборников Ахматовой. В рецензии на альманах, изданный журналом «Аполлон», обыгрывая миф о состязании Марсия с Аполлоном и взяв его аллегорией противостояния «нутра» и «нарочности», Городецкий относил к служителям культа сатира Марсия ряд молодых поэтов, начиная с М. Зенкевича как автора

стихотворения «Мясные ряды»: «Нельзя не узнать в физиологическом натурализме этого стихотворения того, с кого содрали шкуру, правда, несколько обузданного, но все же верного себе. Он же, этот Марсий, так обаятельно поет в девичьей и тюремной песнях Николая Клюева <...> Он же, этот Марсий, слышится и в прелестных стихотворениях Анны Ахматовой, полных такой близости к интимному переживанию, такого острого аромата женской жизни, что сатир бы на них не нарадовался. И то же самое в лепете Моравской, и в причитаниях “Закатного рондо” Бенедикта Лившица (которому принадлежит и отличный по напряженности и полнозвучию темы сонет “По<с>ледний Фавн”). В стихах Мандельштама и Incitatus’a <Вас. Комаровского> Марсия опять не слышно. Но и не пленяют эти стихи с образами, наскоком схваченными у первого (“Осенний сумрак — ржавое железо”), с Медиоланом, Домицианом, Даками и Симплегадами у второго. На гостеприимство Аполлона Марсий ответил щедрым подарком: лучшие страницы в альманахе принадлежат его жрецам и жрицам» (*Городецкий С.* Аполлон и Марсий // Речь. 1912. 30 января).

В ахматовских набросках к автобиографии отмечен его отзыв о «Вечере» (С. 212), где говорилось: «...уже на первых шагах заметны здесь, иногда счастливые, попытки сбросить иго господствующего лирического метода (Блок называет его магией) и найти свой собственный прямой подход к душе читателя. <...> Женская душа, которую раскрывает нам лирика Анны Ахматовой, утонченна, изощренна до последней степени. Она ничем не очарована, ни жизнью, ни любовью, ни природой» (*Городецкий С.* Женское рукоделие // Речь. 1912. 30 апреля). В отзыве было процитировано одно стихотворение Ахматовой, которое вызвало глумление анонимного критика (Н. Г. Шебуева?):

«Я пришла сюда, бездельница,
 Все равно мне, где скучать!
 На пригорке дремлет мельница.
 Годы можно здесь молчать.

Неужели утончена самая мысль, самый образ? “Я могу здесь помолчать, не молоть чепухи, потому что за меня будет молоть мельница”» (*[Б. н.]* Молодой, слишком молодой критик // *Обозрение театров*. 1912. 1 мая).

В позднейшей, осенней, неподписанной рецензии на «Вечер» Городецкий отмечал: «В погоне за великим и пророческим русская лирика последних лет забывала самое простодушную Психею, со всеми горестями и радостями, которые чинит ей современность. Это преломление в теперешней жизни вечной женской души остро и властно дает чувствовать лирика Анны Ахматовой. Наряду с детской прямоотой, которая позволяет ей воплощать интимнейшее, в ее стихах есть истонченность, которая возможна только в наши дни поэтических свершений и завершений. Безрадостная и огорченная, Психея тем не менее свято теплит вечный огонь в своей лампаде, и хоть, может быть, еще не знает, кому и для чего горит он, но чувствует непреложно, что гореть он должен. В этом акмеистическом пессимизме есть неотвратимое очарование для многих тонких душ современности, порвавших с темным прошлым и робко заглядывающих в будущее. Ритмически и эйдологически стихи Анны Ахматовой равноценны ее ощущениям и мыслям» (*Гиперборей*. 1912. № 2. С. 27–28).

В числе пяти акмеистов Ахматова охарактеризована в его манифесте: «Новый Адам не был бы самим собой и изменил бы своей задаче — опять назвать имена мира и тем вызвать всю тварь из влажного сумрака в прозрачный воздух, — если бы он, после зверей Африки и образов русской провинции, не увидел и человека, рожденного современной русской культурой. О, какой это истонченный, изломанный, изогнувшийся человек! Адам, как истинный художник, понял, что здесь он должен уступить место Еве. Женская рука, женское чутье, женский взор здесь более уместны... Лирика Анны Ахматовой остроумно и нежно подошла к этой задаче, достаточно трудной. О “Вечере” много писали. Многим сразу стали дорогими изящная печаль, нелживость и бесхитрость этой книги. Но мало кто заметил, что пессимизм “Вечера” — акмеистичен, что “называя” уродцев невращения и всякой иной тоски, Анна

Ахматова в несчастных этих зверенышах любит не то, что искалечено в них, а то, что осталось от Адама, ликующего в раю своем. Эти “остатки” она ласкает в поэзии своей рукой почти мастера. <...> Итак, это просто-напросто Парнас — новые Адамы, — скажут нам любители “кругов” в истории. Нет, это не Парнас. Адам не ювелир, и он не в чарах вечности. Если Леконт де Лиль и полюбился Зенкевичу, то — “Сном Ягуара”. Если Гумилеву и дорог холод в красоте, то это холод Теофиля Готье, а не парнасцев. А уж какие же парнасцы Нарбут или Ахматова?» (*Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии // *Аполлон.* 1913. № 1. С. 49–50). В период манифеста он оделил Ахматову мадригалом:

В начале века профиль странный
 (Источен он и горделив)
 Возник у лиры. Звук желанный
 Раздался, остро воплотив
 Обиды, горечь и смятенье
 Сердец выдавших острие,
 Где в неизбежном столкновенье
 Два века бились за свое

(*Гиперборей.* 1913. № 5. С. 12).

В это же время Городецкий сообщал в частном письме: «У Ахматовой стихи всё лучше» (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М., 2008. С. 83), — и в рецензии на книгу 4 альманаха «Жатва» (*Гиперборей.* 1913. № 6. С. 29) заметил, что помещенные там стихотворения Ахматовой («...И кто-то во мраке дерев незримый...», «Протертый коврик под иконой...», «Безвольно пощадь просят...») «по чистоте удара» идут дальше «Вечера», а год спустя приветствовал «Четки»: «За короткое время вышло шесть женских стихотворных сборников.

Путь современной русской женщины становится все шире и свободнее. К сожалению, этот пафос освобождения женской души не затронут ни в одном из шести сборников. Опять, как во времена перед Тургеневым, русская девушка стоит в сиянии своей духовной красоты и силы и ждет достойного изо-

бразителя. Ни один из лучей этого сияния не освещает ниже разбираемых книг.

На первом среди них месте, без всякого сомнения, должна быть поставлена Анна Ахматова. Только год прошел с выхода ее первой книги, — “Вечера” — (теперь включенной в “Четки”), а ее талант значительно окреп, раскрылся и развился.

Еще два года тому назад пресловутая “музыка”, как ее называют одни, или “магия”, как ее определяют другие, представлялась единственным лирическим путем. Изображение не только сложных, но и простых эмоций казалось возможным только при помощи перепутанных друг с другом образов и заведомо сбивчивых символов. Мысль была изгнана из лирики. Архитектура не пускалась на порог лирического стихотворения. “Музыки прежде всего!”, — твердили наши верлэновцы, подготавливая пришедшее, как последний вывод, “дыр-былщур” <sic!> — футуристов.

В это время Анна Ахматова дала первые образцы своей лирики. “Настроению”, которым дорожила символическая лирика, здесь противопоставлен факт. Музыкальная последовательность образов заменена хронологической последовательностью событий. Пышные фразы заменены разговорным языком.

В этой, почти детской, простоте разрешения задачи лирика — главная заслуга Ахматовой и первое очарование ее стихов.

В “Четках” пожато то, что посеяно в “Вечере”. Здесь еще больше прелестных стихотворений, чем в “Вечере”. Но всякий прием, как бы хорош он ни был, неприятен, когда он начинает окаменевать и мертветь, обращаясь в привычный трюк. Изредка бывает уже и у Анны Ахматовой. Так, например, случилось с темой “мальчика” [«Мальчик сказал мне: “Как это больно!”...»]. Анне Ахматовой необходимо идти дальше. Безукоризненные по форме, ее стихи являются все-таки фрагментами, отрывками. Необходимо добиться органического развития каждой темы. Во-вторых, владея своим собственным приемом, Анна Ахматова должна расширить очень и очень свои горизонты. До сих пор только закоулки души она изображает. А современная русская жизнь дает такие необъятные просторы для лирического восприятия! И столько героической кра-

соты в жизни современной русской женщины!» (*Городецкий С. Женские стихи // Речь. 1914. 14 апреля*).

Неожиданный едва ли не для всех успех «Четок» бывший синдик записал на счет заведения: «Под руководством двух “синдиков” молодежь училась владеть своим вдохновением <...> Теперь наступило время полной жатвы. Заслуженный успех “Четок” Анны Ахматовой, выдержавших в короткое время два издания, был первой радостью этой жатвы» (*Городецкий С. Поэзия как искусство // Лукоморье. 1916. № 18. С. 19*).

Спустя два года можно было уже констатировать наличие ахматовской школы: «Женская лирика за последние годы, благодаря трудам петроградского Цеха поэтов, значительно двинулась вперед и создала даже своего рода традицию — говорить о чувстве с документальной правдивостью, с последней искренностью. Движение настолько развилось, что быть может, апогей его уже в прошлом. После блестящей работы Анны Ахматовой у ее последовательниц замечаются признаки декаданса: изошренность, доходящая до искаженности, манерность, переходящая в трюизм и т.д. А между тем, методы Цеха, если их правильно понимать, могли бы еще вырастить много талантов» (*С[ергей] Г[ородецкий]*. Рец. на кн.: Вечорка Т. Магнолии. Тифлис, 1918 // *Кавказское слово. 1918. 3 октября*).

«Настоящим перлом лирики» назвал Городецкий стихотворение Ахматовой «Молитва» (*Городецкий С. Наши журналы // Закавказское слово. 1919. 1 февраля*), а еще через год рецензировал тифлисское, сокращенное переиздание «Белой стаи»: «Анна Ахматова — одно из интересных дарований, возвращенных петербургским цехом поэтов. В настоящее время она является вполне определившимся поэтом с ярко выраженной индивидуальностью, с своеобразной техникой. Она признана критикой, ее любят читатели.

Петербургский цех ставил своей задачей вывести поэзию из дебрей мистики и символизма и вернуть ее к жизни, к предметности, к миру. Восприняв эти идеи, Анна Ахматова применила их к изображению движений современной женской души. Ее стихи прежде всего правдивы, даже документальны. Она берет маленькие факты повседневной жизни и под их

маской вскрывает большие печали и страдания женщины. Никакой бутафории, никакой нарядности, ничего фальшивого нет в ее стихах. Голос ее честен и чист.

Подобная лирика становится особенно значительной в эпохе, подобной нашей. Великие события наших лет она отразила в той же призме повседневности. И можно без преувеличения сказать, что в ее стихах будущие поколения прочтут много интимного о наших днях. Именно с этой точки зрения наиболее характерные стихи избраны издательством “Кавказский посредник” из последней книги Ахматовой “Белая стая”, сюда не дошедшей, и предложены читателю в рецензируемой книге.

27 маленьких стихотворений, вошедших в этот сборник, прочтутся каждым любящим поэзию неоднократно. Это книжка не для мимолетного чтения. Ее можно перечитывать, над нею можно думать. В одном из стихотворений Ахматова сравнивает напевы своих стихов с жалобным звуком окарины. И правда, ее песни своей неугасимой печалью будят какую-то тревогу и учат мудрости. Это не безотрадный пессимизм, а именно печаль, просветленная большой любовью к жизни и человеку. “Во мне печаль, которой царь Давид по-царски одарил тысячелетья”, — говорит Ахматова про себя. И в этом сила ее стихов» (Понедельник. Баку, 1920. 19 января; *Городецкий С.* Жизнь неукротимая: статьи, очерки, воспоминания. М., 1984. С. 201, 203).

Мнение Ахматовой о Городецком сложилось уже в 1910-е годы. Г. Адамович вспоминал, как она слушала стихи Есенина: «Ахматова улыбалась, как будто одобрительно, — но с таким же ледяным, светски-любезным равнодушием, как слушала всех, даже Городецкого, стихи которого терпеть не могла» (*Адамович Г.* Есенин // Последние новости. 1936. 26 декабря). Ср.: «С. Городецкий? — во-первых, это очень плохой поэт. Во-вторых, он был сначала мистическим анархистом, потом теории В. Иванова, потом — акмеист, потом — “Лукоморье” и “патриотические” стихи, а теперь — коммунист. У него своей индивидуальности нет. В 13–14 гг. уже нам было странно — что синдик Цеха — Городецкий. Как-то странно. В Цехе — все были равноправны, спорили. Не было такого

начальства: Гумилева или кого-нибудь» (*Лукницкий П. Н. Asimiana. Встречи с Анной Ахматовой. 1924–1925 гг. Париж, 1991. Т. I. С. 204–205*).

В критических выступлениях 1920–30-х гг. Городецкий вроде бы никогда не называл Ахматову, за одним исключением, о котором Ахматова упомянула в «Листках из дневника», рассказывая о днях после первого ареста О. Мандельштама: «А в это время бывший синдик “Цеха поэтов”, бывший Сергей Городецкий, выступая где-то, произнес следующую бессмертную фразу: “Это строки той Ахматовой, которая ушла в контрреволюцию”, так что даже в “Лит<ературной> газете”, которая напечатала отчет об этом собрании, подлинные слова были смягчены — см. “Лит<ературную> газету” 34 г., май)». Ср.: «О недостаточно активных попытках наших поэтов переработать свое сознание для преодоления отставания поэзии говорил в своем выступлении С. Городецкий» (На всесоюзном поэтическом совещании // *Литературная газета. 1934. 26 мая*). Городецкий (судя по направленной стенограмме) произнес буквально: «Огромный поэт — Анна Ахматова, поэт, который ушел в молчание или контрреволюцию (*Голос с места: Для того, чтобы так говорить, нужно знать*). Она в поэзии не участвует, потому что не нашла выхода на том же пути из тех же ошибок» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 221–223).

Ахматова и Городецкий встретились в эвакуации. Рассказ киносценариста В. Швейцера, который Ахматова могла прочесть: «Маленький жаркий дворик в Ташкенте. Мы сидим на крыльце скромной квартирки, в которой живет Сергей Городецкий. Он читает мне песни <...>. По дворику, на котором висит на веревке мокрое белье, ходит усталая женщина. Это поэтесса Анна Ахматова. Длинная тень ее ложится на коричневую, выжженную зноем стену...» (*Швейцер В. Эскизы к портретам // Москва. 1965. № 7. С. 185; Швейцер В. Диалог с прошлым. М., 1966. С. 157–158*).

Воспоминания Надежды Мандельштам, приехавшей в Ташкент к лету 1942 г.: «Последний раз я столкнулась с <Городецким> в Ташкенте в период эвакуации. Он жил в том же доме, что Ахматова, — она в каморке на втором этаже полуразру-

шенного трущобного дома, он внизу — в сносной квартире. Меня он не узнавал, сознательно или нет, я не знаю, но меня вполне это устраивало — говорить с таким типом мне не хотелось, потому что все годы он только и делал, что публично отрекался от погибших и вопил про адамистов, ничего общего с акмеистами не имевших. Зато он перехватывал людей, шедших к Ахматовой, и спрашивал, что делает там наверху “моя недоучка”. До нас доходили его высказыванья за чайным столом про контрреволюционную деятельность Ахматовой, Гумилева и прочих акмеистов, по имени не называемых» (*Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1990. С. 35–36; ср. в набросках к «Листкам из дневника»: «Потоки клеветы, которую извергало это чудовище на обоих погибших товарищей (Гумилева и Мандельштама), не имеют себе равных (Ташкент, эвакуация)»). Следует заметить, что до приезда мемуаристки встречи, видимо, были более частыми. См., например, записи Л. К. Чуковской — 14 января 1942 г.: «Сегодня, забежав к <Ахматовой> днем, я увидела на стенах — облупленных, грязных — зеленую роспись. Оказалось, расписал Городецкий» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 376); «Сергей Городецкий, который жил с семьей рядом, нарисовал синей масляной краской на стене крупные виноградные листья и кисти» (*Сомова С.* Тень на глиняной стене: Анна Ахматова в Ташкенте // Москва. 1986. № 10. С. 181).

Еще 15 декабря 1941 г. Городецкий приложил к стиховому посланию к А. Я. Таирову и А. Г. Коонен зарисовку Ахматовой с семьей Городецких: «Анна Андревна, Чья даже папироса напевна» (В ста зеркалах: Анна Ахматова в портретах современников. С. 37). 15 января 1942 г. Городецкий записал в дневник: «Вечером в госпитале с Ахматовой, Шильдкретом и Кашкиным. А. А. в первый раз. “Черный перстень” и еще кое-что дошло. Я и она читали по два раза. Аудитория была тугая, но раскачалась»; 18 января: «Я родился. Т. А. <Луговская> подарила подстаканник, Ахматова — 2 яблока»; 9 мая: «Подстриг Ахматовой челку». Приписка: «Верно. А. Ахматова. Хорошо»; 31 мая: «Вечером Фед<оров>-Дав<ыдов> и Ахматова. <...> Ахматова написала прекрасные 8 строк о статуе, закопанной

в Летнем саду <“Nox”>» (*Енишерлов В.* «...Опасное право — быть судимым... по законам для немногих». Из архива Сергея Городецкого // *Наше наследие.* 2001. № 56. С. 167, 170).

14 ноября 1947 г. он записал: «<Н>е умеющая грамотно писать по-русски <...> Ахматова» (Там же. С. 172).

Последняя, вероятно, встреча Ахматовой с Городецким произошла в 1954 г., во время Второго съезда советских писателей. См. рассказ Ахматовой: «Сижу один раз со Шварцем в нашем ресторане. Обедаем. К нашему столику подсаживается Городецкий: “Анна Андреевна, разрешите представить вам моего зятя”. — “Пожалуйста”. Ушел за зятем, возвратился: “Анна Андреевна, он говорит, что ему неохота знакомиться с контрреволюционной поэтессой”. Я ответила ангельским голосом: “Не огорчайтесь, Сергей Митрофанович, зятя — они все такие”. Не правда ли, я его перехамила?.. Через несколько дней я, чтоб похвастать, рассказала всю историю Эренбургу. Он спрашивает: “А что же Шварц? неужели ни слова? это недостойно мужчины. Я бы Городецкому так ответил, что он костей бы не собрал”. Я сказала: “Не могу же я, на случай возможного хамства, всегда водить с собою Эренбурга. Слишком большая роскошь”» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 106; ср.: *Ардов М.* Возвращение на Ордынку. Воспоминания. Публицистика. СПб., 1998. С. 57; тогдашний зять Городецкого — композитор Ю. С. Бирюков).

В 1965 г. по поводу того дня 1911 года, когда участниками Цеха поэтов было найдено слово «акмеизм», Ахматова замечала: «Из свидетелей этой сцены жив один Зенкевич. (Городецкий хуже, чем мертв.)» (С. 612). Ср.: «Анна Ахматова в недавнее свое пребывание в Париже отозвалась о нем пренебрежительно и враждебно» (*Адамович Г.* Скончался Сергей Городецкий... // *Русская мысль.* 1972. 14 сентября). Ср.: «Еще она говорила — вот крыса, похоже на Городецкого» (*Мейлах М.* «Человек, очень сродный поэзии...» Из разговоров с Н. И. Харджиевым // *Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н. И. Харджиева.* М., 2000. С. 47).

См. о нем нашу статью: *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* Т. 1. М., 1989. С. 639–641.